

Александр АЛЕКСАНДРОВ
(КАСЬКИНСКИЙ)

г. Санкт-Петербург

ДАШКА

рассказ

Самогон в Каськах гнали редко, да и пить особо было некому: все мужики на фронте, в деревне остались одни бабы, старики и дети. Продавать драгоценный продукт тоже было не принято. Хотя заначка на случай возвращения с войны близких родственников хранилась почти в каждом доме, и от посторонних глаз прятали её куда-нибудь подальше, а то мало ли вдруг нагрянут с обыском. Такая оказия случалась нечасто, но бывало. Как говорится, бережёного бог бережёт. Поэтому работа по самогоноварению обычно выполнялась под покровом ночи, чтобы к утру успеть замести все следы. Громоздкий аппарат, завёрнутый в полог, тайно кочевал по деревне из дома в дом. Одному человеку в течение ночи часто было не под силу справиться с трудоёмким делом, в таких случаях на помощь хозяйке приходил кто-нибудь из близких родственников, и всё-таки, несмотря на строжайшую конспирацию, без курьёзов не обходилось. Именно такой случай и произошёл с хуторской Дашкой, о чём потом долго ещё ходили по деревне всякие пересуды.

— Видимо, кому-то не угодила, — судачили бабы, — вот и донесли в сельсовет, будто у неё в чулане стоит целое ведро браги, которую сегодня ночью она намеревается перегнать на кумышку.

Но мир не без добрых людей. Дашку предупредили именно в тот самый момент, когда та уже готовила аппарат к запуску. Времени в запасе не оставалось. Недолго думая, — не пропадать же добру! — она выбежала во двор и вылила брагу в корыто поросёнку, которого к Рождеству намеревалась зарезать, а само устройство спрятала под снегом в дальнем углу огорода. Дом на ночь не запирался, воров в деревне не было.

Только успела она замести следы и залезть на печь, притворившись спящей, как к ней нагрянули с обыском. Но Дашка не была бы Дашкой, если б в трудную минуту не могла выкрутиться из любой ситуации и направить проверяющих поисковиков по ложному сле-

ду. В этом деле среди деревенских жителей ей не было равных.

На дворе стояла непроглядная темень, когда в избу, как определила она на слух, ввалилось человека три, не меньше.

— Кто это там припёрси? — ворочаясь на печи, недовольно спросила хозяйка.

— Слезай и зажги коптилку, если таковая имеется! — услышала она строгий голос Парфишки — председателя сельсовета.

— Ты больно-то не командуй, чай не дома, чтобы приказы тута учинять, а то, ишь, раскомандовалси! — снова послышался сердитый голос Дашки. — Вот когда слезу с печи, тогда и зажгу, коли уже так тебе моя коптилка понадобилась. Зачем ко мне-та посередь ночи пожаловал? Да ещё с собой кого-то приташил! Когда только перестанете в неурочное время по дворам шастать?! Теперь, сам знаешь, керосин и дрова в цене, чтобы зря безо всякой надобности избу выстуживать.

— Ну-ну, не больно-то язык распускай, быстрее зажигай свет, нам с тобой лясы точить некогда! — ответил Парфишка.

— Коли уж тебе быстро надобно, мог бы коптилку с собой прихватить, а я тебе не летучая мышь, в темноте вижу плохо. И больно-то не нукай. Пока ещё не запряг, чтобы понукать! Коли уж наведались, гостеньки дорогие, ждите, покудова с печи спушись. Она у меня высокая, не ровен час можно и грохнуться. Чем без дела стоять, лучше бы подмогли слезть, только в темноте больно-то не охальничайте, за талию попридержите и будет.

— Да кому ты нужна? — неосторожно обронил председатель.

— Тагды на кой ляд припёрлись, коли, как говоришь, я вам не нужна?

Один из стоящих мужиков сдержанно хихикнул. Председатель молча протянул старой женщине руку. Оказавшись на полу, Дашка босиком по холодным половицам прошла к железной печке, стоящей посреди избы, взяла дольку лучины, открыла дверцу и стала дуть на неостывшие угли. Когда лучина разгорелась, она снова вернулась к порогу, достала из печурки керосиновую коптилку и стала поджигать фитилёк, пока тот не разгорелся коп-

тящим бледным пламенем. Слабый огонёк осветил у порога избу и лица ночных охотников за кумышкой. Кроме председателя, переминаясь с ноги на ногу, стояли два незнакомых ей человека.

«Похоже, это и есть представители из района. Ишь, какие важные! Словно мыши на крупу надулись, и как не надуться — такое государственное дело подвернулось, аж ночами, бедненькие, не спят. Лучше бы дома около своих баб находились, может, пользы от них было больше», — продолжала своё размышление Дашка.

На Парфишку она не обижалась. Теперь из района в колхоз приезжают почитай каждый день, а председатель — лицо подневольное, и, стало быть, на своём месте он блюдет государственную законность. Бог с ними, раз пришли с проверкой — пусть проверяют! Только вот керосин на такие пустяки тратить жалко.

Подняв над головой коптилку и посмотрев на стоящих у порога мужиков, запричитала:

— Снегу-то, снегу-то на валенках сколько наташили! Али было лень там, на крыльце, голыком их отряхнуть? Дров привезти в сельсовете лошадь не выпросишь, а бежать по чьему-то злему наущению к кому-нибудь с обыском и избы выстуживать все горазды!

— Мы не к кому-нибудь, а конкретно к тебе пришли, а за оскорбление государственных людей можешь и в каталажку угодить.

— Не пужай — пужаны! Лучше делом поскорее займись, а то Фроська, поди, тебя заждалась! Баба она видная! Будешь по ночам часто шляндить — не ровен час другого мужика приголубит!

Когда коптилка разгорелась, председатель, довольный потирая ладони, произнёс:

— Попахивает, сильно попахивает! — и, обращаясь к Дашке, спросил: — Ну и что ты на это скажешь? От чего может быть такой запашок?

— Вот и разбирайся от чего, на это тебе государственные права даны! Ведро там, в чулане, можешь с ним ознакомиться!

— Очень хорошо, вот нам его и надобно!

— Если уж вам так приглянулось моё ведро, забирайте, только обратно не забудьте вернуть. Не первый день на этом свете живу, знаю, реквизируют вы умеете, а как вертать

дорогую вещь — на это у вас память коротка!

— Вернём, обязательно вернём! — заверил Порфирий и добавил: — Если, конечно, после тюрьмы тебе оно понадобится.

— Это за какую же, миленький, провинность ты хочешь меня туды упечь?

— Вот сейчас и посмотрим, для этого мы сюда и явились. Давай тащи коптилку в чулан!

Но Дашка демонстративно села на лавку, стоявшую у стены, сказала как отрезала:

— Сам тащи, а я тебе не прислуга! Надо ж чаво удумал, чтобы я коптилку ему по ночам в чулан таскала, когда добрые люди спят. Может, вы охальничать со мной задумали! Мне хоть и перевалило за шестьдесят, а баба я ещё справная и, не дай бог, сегодня ночью забрюхачу? С них взятки гладки, — указала она на стоящих у порога мужиков. — Они, как перекасти-поле, сегодня здесь, а завтра там. Держать ответ придётся тебе, и тогда уж точно Фроська тебя из дома метлой погонит. Кому такой алиментщик будет нужен?

— Что ты не дело-то мелешь, хотя бы районного начальства постыдилась!

— А чё мне его стыдиться, пусть пришлым будет стыдно, что нарушили мой крестьянский ночной покой! Я их не приглашала! А то, видишь ли, коптилку ему таскай, нынче лакеи не в ходу! Вона скока помощников у порога стоят, пусть они и таскают, ежели самому лень. Да поторопитесь, а то керосин только зря жжёте! И запомните: за такое самоуправство я на вас жалобу буду писать, и не кабы-куда, а прямо наверх. Вот тогда и посмотрим, кто вперёд окажется в каталажке!

Ничего не ответив, председатель взял из рук Дашки коптилку и пошёл в чулан, где на старой прогнившей табуретке стояло такое же старое оцинкованное помойное ведро. Порфишка поднёс фитилёк к ведру, наклонил голову, глубоко вдохнул и, словно ошпаренный, выскочил из чулана.

— Дэк это что же, — набросился он на Дашку, — ведро приспособила для этого?.. Сказать прямо, язык не поворачивается!

— Чего стушевался-то? Говори! Нашёл, стало быть, всё твоё, радоваться надо, а у него, видишь ли, язык от находки затвердел!

И пока председатель, закрыв нос ладонью, с коптилкой выходил из чулана, Дашка, глядя на него с сочувствием, произнесла:

— Тут уж, милоч, не обессудь, куды мне сподручней — туды и хожу, и нечего мне по ночам проверки учинять. А поскольку я баба культурная, внешнего интереса не проявляю, кто в какие закутки по энтому делу в ночное время ходит, и уж тем более не имею привычки устраивать им запретную. Теперича на улице, сам знаешь, какие холода стоят. Вот и попробуй там сесть! Не заметишь, как Дед Мороз в белых тапочках к моим святым местам подкрадётся! Ну сам подумай, после этого какой мужик на порченую глянет? Так и придется век коротать вековухой! Другое дело летом, тут уж раздолья мне не занимать! Все поля мои, где душа захочет, там и сяду, а главное, никакого со стороны угляда, благо, дом крайний! Так и Фроське своей передай, по ночам, особенно зимой, пусть лучше в ведро — женщине студиться никак нельзя!

И, резко сменив тему разговора, Дашка спросила:

— Как думаешь, завтра сильно похолодает?

— Отколь мне знать? Я тебе что, прогноз погоды?

— Прогноз не прогноз, а по моему уразумению, председатель должен знать всё. Я ведь к чёму толкую-то: морозы крепчают, а у меня дров нет, а тут ещё ходють по ночам, избу выстуживают.

Недовольство Дашки председатель пропустил мимо ушей. Поставив на край стола коптилку и досадуя на самого себя, что оказался в таком глупом положении, обращаясь к Дашке, сказал:

— Ты уж прости, такая у меня неблагодарная работа: коли поступил сигнал, должен проверить.

Несмотря на её острый язык, председатель относился к Дашке с уважением. Баба она была работающая и честная.

— Да ладно, чего уж там, — махнув рукой, неопределённо ответила женщина на оправдание председателя.

И всё же перед пожилой женщиной председатель чувствовал себя неловко и, уже собира-

ясь уходить, видимо, проявляя заботу, невольно спросил:

– Мука-то есть?

– Сколько есть – всё моё, чужого не беру и своего не отдам, – и, намекая на ночной визит непрошенных гостей, нарочито громко продолжила: – Опять же, по ночам с доглядом в шабры не бегаю и на безменах у кого скока муки сравнений не делаю.

И тут кто-то из двоих, стоявших у порога, бросил:

– Пора уходить, – и, не сказав «до свидания», оба направились к выходу, а вслед за ними пошёл и председатель.

– Это куды ж вы, сынки, заторопились? Коль уж пришли, может, чайку отведаете? Там, в чугунке, у меня липовый лист заварен. Может, у кого-то из вас запор? Не стесняйтесь, скажите – в момент кишки очистит.

– Нет уж, спасибо! – не оборачиваясь, за всех ответил председатель. – Оно и видно, что ты вперёд на целую неделю очистилась.

– Дэк ещё с вечера брюхом прихватило, скрывать не буду, от хороших людей у меня скрытности нет, – вдогонку председателю выкрикнула Дашка. – Лучше подумай, как будешь потерпевшей возвертатъ понесённые убытки! Завтра с первой зорькой прибегу в сельсовет за выяснением насчёт керосина и дров! Если вам дать спуска, в следующую ночь опять придёте принимать!

Но председатель был уже за дверью и последнего ворчливого разговора хозяйки не слышал.

Как только гости покинули избу, Дашка вынесла ведро в сени, затушила коптилку и, забравшись на печку, крепко заснула.

Утром Дашка проснулась в хорошем настроении. На улице было почти уже светло. Не спеша накинула на плечи фуфайку, ноги сунула в старые стоящие у порога валенки и вышла на улицу. Вдохнув морозного воздуха, направилась в сарай, где находилась её единственная живность. В ветхом помещении Дашку обступила непривычная тишина.

По утрам поросёнок всегда встречал её радостным хрюканьем и путался под ногами, нетерпеливо выпрашивая еды, а сейчас перед

изумлённым взглядом старушки он лежал прямо возле корыта кверху копытцами и не подавал никаких признаков жизни.

– Господи, помилуй! – ничего не понимая, в испуге вскрикнула женщина, увидев без движения своего любимца. – Да что же это с тобой случилось-то? – и, опустившись перед ним на колени, заплакала. В трудные жизненные минуты Дашка никогда не терялась, а тут, склонив голову и глядя шершавую шетину поросёнка, с которым связывала свои и без того хрупкие надежды, ревела от собственной беспомощности. Немного успокоившись и прощаясь с единственной животиной, случайно дотронулась до пяточка и вдруг резко отдернула руку. В эту секунду то ли от сильного душевного волнения Дашке вдруг показалось, что поросёнок вроде бы ещё дышит. В голове молнией промелькнула мысль: «Может, и вправду жив?! Надо скорее к доктору!»

От природы шустрая и на ноги скорая, за свою жизнь она никогда ещё так не бегала быстро, как в это раннее морозное утро. Полураздетая, напрямую преодолев огромный заснеженный овраг, что находился на её пути, минут через десять она уже стояла на крыльце дома Антона Артемьевича, местного деревенского фельдшера, и, сколько хватило сил, начала кулаками барабанить в дверь.

Услышав настойчивый стук, хозяин проснулся, вышел в сени и впустил раннюю посетительницу. Едва войдя в дом, она упала перед недоумевающим доктором на колени и, запыхавшись от бега, смогла произнести лишь одно-единственное слово:

– Умирает!..

– Прежде всего, Даша, встаньте и объясните толком: кто умирает?

– Там... у меня в сарае умирает!

– Даша, я не спрашиваю где. Скажите, кто умирает?

– Поросёнок умирает, а может, уже умер, лежит бездыханный и копытца поднял к небушку, видимо, сердешный не иначе как в рай просится!

Дашка говорила отрывисто и, пытаясь справиться с волнением, умоляюще глядела в глаза спасителю.

– Я, уважаемая Даша, лечу людей, а не скотину, – как можно мягче Антон Артемьевич попытался объяснить женщине своё предназначение. – Скотина не моя профессия, на то есть ветеринарные врачи.

До сознания женщины объяснение фельдшера доходило весьма смутно, а новое для неё слово «ветеринарные» услышала впервые в жизни, поскольку в деревне такого врача не было отродясь. Если, например, у кого-то теллилась корова, опять же обращались к Антону Артемьевичу, и тот никогда в помощи не отказывал, и за это со стороны деревенских жителей он пользовался непререкаемым авторитетом. Вот и сейчас Дашка прибежала к уважаемому лекарю, чтобы спасти единственного поросёнка, с которым связывала её ниточка житейских надежд. В отчаянии женщина уже снова хотела упасть на колени, но, увидев, как Антон Артемьевич спешно накинул пальто, от радости разрыдалась.

Алёшка-конюх, заметив с утра пораньше спешащую Дашку с фельдшером, спросил:

– Чё случилось-то?

Та, не останавливаясь, отрешённо махнула рукой, на ходу бросила:

– Кажись, поросёнок помирает!

Не успела хозяйка с врачом войти в сараюшку, как следом за ними с длинным ножом в руках прибежал Алёшка.

– Вот, на всякий случай прихватил, – показывая Дашке нож, почему-то расхохотался, обнажив в полутёмном помещении крупные железные зубы. – Если что, сразу и киттык!

Хрюшка продолжала лежать возле корыта, прикрыв свои поросёчьи глазки с чуть заметными белёсыми ресницами, совершенно не реагируя на вошедших людей.

По просьбе доктора Алёшка повернул хавронью на другой бок. Фельдшер достал из внутреннего кармана пальто деревянную трубочку, присел на корточки и стал внимательно прислушиваться к внутренностям поросёнка. Пока Антон Артемьевич по телу животного переставлял туда-сюда слуховое устройство, Дашка, скорбно скрестив на груди руки, стояла рядом, прощально всматриваясь в закрытые очи своего выкормыша.

И тут, видимо на пределе душевного переживания, Дашке снова привиделось, как её любимец, словно в насмешку, приоткрыл на секунду веки и озорно подмигнул хозяйке: мол, зря переживаешь, со мной всё в порядке!

Не успела она от радости вымолвить слово, как поросёчьи глазки снова захлопнулись. Вытирая слёзы, женщина украдкой перекрестилась.

Маленькая надежда лучиком вспыхнула в сердце старушки, и, повернувшись к стоящему рядом Алёшке, она сердито произнесла:

– Ты, как я погляжу, уж больно на руку скор, душегуб проклятый! А того, – показала на покоящуюся живность, – не понимаешь, что, может, я на племя её задумала оставить, чать, всё же свинья, а не боров! Немного соображать надобно! К следующей осени, глядишь, бог даст, может, и приплод будет!

– Дэк ты сама говорила, что она мёртвая, – ничего не понимая, растерянно пробормотал Алёшка.

– Коли мёртвая, тогда какой же резон резать? Или тебе только бы ножичком помахать?

Пока между Дашкой и её соседом Алёшкой шла перепалка, доктор поднялся с корточек, немного потянулся, чтобы размять затекшие ноги, и, обращаясь к хозяйке, спросил:

– Как там насчёт опохмелиться, не найдётся?

– Ну как же не найдётся! Для вас, Антон Артемьевич, займу, да найду!

– Вы, Даша, не так меня поняли. Опохмелиться нужно не мне, а ему, когда проспится, – с улыбкой кивнул он в сторону лежащего поросёнка.

И, положив обратно деревянную трубочку во внутренний карман пальто, сказал:

– Думаю, через часок-полтора всё будет в порядке. Только к тому времени приготовьте ему попить водички, а сейчас не трогайте, проспится – сам встанет, хотя первое время будет пошатываться.

«Выходит, фершал разгадал мою ночную проделку», – подумала Дашка, выходя следом за ним из сараюшки.

Когда же все волнения остались позади, ей вдруг стало невыносимо стыдно, что ни свет ни заря подняла с постели уважаемого в дерев-

не человека. Другой бы отказался, а он вместе с нею пошёл на хутор, чтобы помочь в её горе. Теперь, не зная, как загладить свою вину перед фельдшером, Дашка повернулась к поросянку, который продолжал лежать без движения, гневно произнесла:

— Свинья она и есть свинья, что с неё возьмёшь! Нажралась, никакой меры не знает, меня перед хорошими людьми на позор выставляет!

И, выйдя из сарая, остановив лекаря, смущённо спросила:

— Дохтур, вот если эту свинюшу оставлю на племя, — и женщина кивнула головой в сторону клетушки, — как думаете, поросята от неё по наследству алкоголиками не станут? Типерича вы сами убедились: она в этом деле никакой меры не знает.

— Можете смело оставлять! От неё в будущем появятся на свет хорошие поросята, если, конечно, по ночам не будете их спаивать. Так что всего вам, Даша, доброго!

— И вам, Антон Артемьевич, не хворать, — ответила хозяйка, стоя у крыльца собственного дома.

Хитро улыбнувшись в чёрные как смоль

усы, доктор интеллигентной походкой пошёл в сторону фельдшерского пункта.

Несмотря на морозное утро, от добрых слов деревенского лекаря на душе у Дашки стало тепло и уютно. Глядя вслед дорогому человеку, она прошептала лишь одно-единственное слово: «Спасибо».

Александр АЛЕКСАНДРОВ
(псевд. — Каськинский)

родился в 1938 году в деревне Каськи (Татарстан).

Окончил Саратовский политехнический институт.

Пишет прозу.

Автор пяти книг.

Публиковался в журналах «Изящная словесность», «Звонница», «Крым», в альманахе «Петербургский прозаик»,

«Невском альманахе» и других.

В журнале «Север» публикуется впервые.

